

NOT FOR USE

КЛАССИЧЕСКИЕ СУМКИ CHANEL 11.12 В НОВЫХ МАТЕРИАЛАХ

ла признание литературного сообщества. Разумеется, Марта была преданной поклонницей Chanel и даже попросила свою подругу Коко шить для нее авиаторский костюм в 1920-х. В 1930 году княгиня Библиску появилась в рекламе Chanel на страницах Vogue. Сохранившая лояльность к дому до самой смерти, княгиня почтила своим присутствием показ-возвращение 1954 года. С 1927 года княгиня писала для французского Vogue ежемесячные колонки, одну из которых посвятила своей подруге Габриэль Шанель. «Коммерсантъ. Стиль» получил эксклюзивное право опубликовать эссе «Габриэль, или Гений аксессуаров» впервые после 1928 года.

... Хотя в Париже и принято одеваться сдержанно и строго, Габриэль всегда удавалось добавить неожиданную изюминку к своему внешнему виду: искру, некоторую лихость, последнее слово, без которого шедевр под названием «изысканно одетая женщина» не может считаться завершенным.

Ее всегда отличают детали. Как будто свет ее воображения, фантазии пробивается через эти мелкие штрихи. Но у Габриэль слишком классический вкус, чтобы позволить фантазиям вырваться на свободу и нарушить точность и выверенность ее образа.

Достаточно вспомнить ее утренний костюм. Тот, кто не в силах отличить показное богатство от истинных сокровищ, сочтет его чересчур скромным, даже нищенским. И чтобы это монашеское платье не выглядело сиротливо, Габриэль дополняет его сумкой, большой сумкой, которую носит подмышкой. Мягкая кожа, золотая застежка и неотъемлемый магический флер аксессуара — та самая скрытая роскошь, невидимые драгоценности, которые, скорее всего, при-

хватила бы с собой, готовясь к побегу, Принцесса из сказки Перро «Ослиная шкура».

Так она выглядит, когда не наряжается.

А когда она надевает бальное платье, то тщательно следит за тем, чтобы ничто не утяжеляло ткань и не сковывало движений. Гирлянды кружев и облака шелка не должны отвлекать от главного — танца с партнером.

Она придумала особый шлейф для платья. Если бы потребовалось, он вполне мог бы заменить собой воздушный шлейф, что тянется за богинями. В ее руках — необыкновенный веер. Из других аксессуаров — плюмаж, венки из цветов и перья, что, как фонтаны виллы д'Эсте, ниспадают под собственной тяжестью и хрупкостью.

И так она выглядит, когда одета пышно и нарядно.

Обычно Габриэль держит в руке небольшую шестиугольную сумочку. Она выкладывает ее на столчик кафе во время обеда, тем самым обозначая границу элегантности, ибо эта крошечная личная собственность разом превращает белую скатерть в завоеванную территорию. Потом Габриэль раскрывает свой кожаный веер, чтобы укрыться от солнечных бликов, которые отражаются в хромированных деталях проезжающих мимо автомобилей. И конечно, это ее защита от пыли на тех дорогах, что приведут ее в Рим.

В саду она гуляет с небольшим зонтиком от солнца, как у канатоходцев. На узких дорожках с высаженными вдоль них цветами вдыхает дурманящий аромат лилий, способный сбить ее с ног.

Именно она ввела моду на шелковые носовые платки, стягивающие запястье. Как будто ей нужно немедленно остановить

Дочь Синди Кроуфорд, модель Кайя Гербер, позирует на диване в квартире Габриэль Шанель перед объективом Карла Лагерфельда. Идут съемки для новой рекламы аксессуаров Chanel. Каждая деталь здесь хранит дух Мадемюазель, ее воспоминания, и связана с важнейшими моментами ее жизни. На этом диване она сфотографировалась с друзьями

и моделями. В руках у Кайи несколько знаковых сумок, выпущенных к весенне-летнему сезону в новых материалах. Классическая 11.12 из волокон ПВХ, а также из твида, но расшита блестящими пайетками. Как и самая новая модель в линейке — Chanel's Gabrielle, — но все такая же вместительная и удобная. Boy Chanel — из переливающейся кожи телен-

ка, чтобы это не мешало танцам. Платок может быть красным — чтобы воображаемая кровь не окрасила его. Или зеленым — на случай, если в венах течет не кровь, а змеиный яд. О, Клеопатра!

Иногда на ее запястье болтается на цепочке небольшая пудреница. Она открывает и закрывает ее как реликвию. Чтобы освежить лицо и припудрить лоб пылью, напоминающей по цвету, но не по вкусу пыль времен.

И есть у нее жезл в золотой тубе, не хуже фельдмаршальского. Внутри — красная помада. Она наносит ее на губы, а ночью в своем будуаре она смывает кончиками пальцев все сияние Авроры.

Все, что она предлагает, наполнено смыслами и образами. Она никогда не приезжает одна или с пустыми руками. Иногда она держит крошечный веер, осенью ее петлицу украшает цветок, напоминающий, например, о том, что сезон хороших георгинов заканчивается.

Женщины, которых интересуют только платья, ничему у нее не научатся, если не попытаются подражать ее задорным и фантазийным находкам. Платок, повязанный двумя углами, тонкая тесьма вокруг шеи — тысячи незаметных мелочей, которые она превращает в формы и образы и которые она

ка со вставками ПВХ или расшита золотистыми и серебристыми металлизированными нитями. С легкой руки господина Лагерфельда любой самый высокотехнологичный материал используется для создания сумок. Работа над дизайном одной сезонной сумки занимает несколько недель. Фабрика под Парижем получает эскиз и создает из

прочной бумаги первый прототип. Его доставляют Карлу. Прототип возят туда-сюда с пометками от Лагерфельда и технологов. И только после утверждения всех деталей, материала и фурнитуры отправляют в производство. Кстати, ручное. Только на то, чтобы научиться выворачивать сумку после сборки всех деталей, швеи тратят несколько месяцев.

надевает по-новому, подбирая неожиданные сочетания. Их красота и шарм открываются только там, куда она их определяет. Браслет без перчатки — ничто. А этот платок — совершенно потерялся бы, не будь он повязан необычным способом через плечо.

Зачастую секрет соблазнительности объекта в его размерах. Например, крошечный батистовый платок. Оброни она его, этот кусочек материи лежал бы как снежинка, дожидаясь прикосновения, чтобы растаять в руке того, кто ее поймает. Маленький намек на незначительность, но важность деталей. А завтра его без тени сожаления заменят другим — огромным платком, который будет ниспадать из ее кармана. И напротив, сообщать о нарушении причинно-следственных связей и заставлять думать лишь об одном — о крайней малости носа.

Сумки, перья, цветы, шестиугольные коробочки, платки, реликварии и тысячи других предметов, которые она держала, брала с собой или оставляла, — все они рассказывают о ней многое, но лишь тем, кто хочет услышать.

Она знает, что в аксессуарах скрыта ее личность, не поддающаяся описанию сила всепоглощающей любви, и мысль о том, что эту любовь можно потерять, заставляет ее ненавидеть смерть.